

«писать реляциями к государю как во всем свете обыкновенно, то принуждены будем искать затисфакции на вас <...> а буде что чрезвычайно секретно, то мочно особливими реляциями или поскриптами писать» [5, л. 460].

Первые реляции к царскому двору еще по пути в Стамбула отправил посланник А.И. Дашков (в 1719 г.). Полученная им инструкция предписывала «...доносить его царскому величеству почасту и нужное писать данную ему цыфирью, а реляции свои отправлять чрез известных корреспондентов, а с нужными делами посылать ко двору его царского величества и нарочных куриеров» [6, л. 16].

А.И. Дашков (как и прибывший на резиденцию в Стамбул И.И. Неплюев) получал рескрипты и в ответ отправлял реляции с курьерами напрямую в Москву или в Санкт-Петербург, а также пересылал через посольства в европейских столицах [4]. Как и письма, реляции были «публичные» и секретные (зашифрованные). В левом верхнем углу рескриптов и реляций ставили номер. Реляции дипломатов начинались с обращения «Всемиловивейший царь государь». Посланник заканчивал их собственноручной подписью «вашего величества всеподданнейший раб Алексей Дашков».

Тем не менее, письма не ушли из дипломатической практики. Русские дипломаты по-прежнему предпочитали использовать письма как более привычную для обмена мнениями форму. В переписке А.И. Дашкова и И.И. Неплюева с канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым помимо важной политической информации содержались личные просьбы и пожелания. Эти послания также могли называть «реляциями». В 1720-х гг., когда в Коллегии иностранных дел, подготовили выписку, касающуюся состояния турецких дел, отправленные П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым письма именовали «реляциями».

1. Александренко, В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. / В. Н. Александренко. – Т. 1. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 553 с.

2. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : исследование и тексты / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.

3. Базарова, Т. А. Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г. / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2023. – 392 с.

4. Государева, М. Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30-е годы XVIII века / М. Ю. Государева // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. – 2011. – № 1. – С. 89–98.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1/6.

6. РГАДА. – Ф. 89. Оп. 1. Д. 8.

Красинский И.В.
МЕМУАРЫ МАРТИНА МАТУШЕВИЧА
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЫВОДА ШЛЯХЕТСТВА
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, вывод шляхетства, Мартин Матушевич, мемуары Мартина Матушевича, социальная мобильность, источники истории ВКЛ.

Доказательство принадлежности к шляхетскому сословию, или «вывод шляхетства», представляло собой процедуру, в ходе которой шляхта ВКЛ предоставляла письменные доказательства и свидетельства других шляхтичей для подтверждения своего благородного происхождения. В современной историографии подобные явления известны по процессу «разбора шляхты» конца XVIII–XIX вв. [1, с. 3], однако для шляхты белорусских земель ВКЛ такая практика существовала уже с конца XV – начала XVI в. [9]. Законодательное оформление процедуры началось с «Уставы о выводе шляхетства за примовою» 1507 г. [8, с. 277] и было развито в

Статутах 1529 (разд. 1, арт. 20; разд. 3, арт. 11–14), 1566 (разд. 3, арт. 16–19) и 1588 (разд. 3, арт. 21–23, 27) гг. [6].

Необходимость в доказательстве шляхетства возникала из-за его ключевой роли в определении прав и привилегий, включая владение землёй, зависимыми крестьянами и участие в соймках и сеймах [4, с. 137]. Однако не все шляхтичи, особенно мелкие и средние, обладали документами о происхождении. Для подтверждения статуса достаточно было свидетельств других шляхтичей, наличия фамилии в списках шляхты или отсутствия в инвентарях шляхетских имений [2, с. 32–33]. Споры о шляхетстве часто инициировались соседями-землевладельцами для расширения владений или имели политическую подоплёку.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения социально-политических аспектов шляхетского сословия в ВКЛ. Мемуары Мартина Матушевича, как представителя шляхты, предоставляют уникальную возможность изучить процесс доказательства шляхетства изнутри, раскрывая правовые, личные и политические мотивы, стоявшие за этим процессом.

Мемуары Мартина Матушевича изучались исследователями, но чаще как вспомогательный материал. А. Мацук в энциклопедической статье упомянул их как источник биографических сведений [5]. Н.Н. Улащик в своем незавершенном труде оценивал их информационную ценность для истории Беларуси, но не анализировал сюжеты о выводе шляхетства [7]. Ф.И. Леонтович изучал правоспособность шляхты, но не использовал мемуары для иллюстрации практики [2]. А.И. Мальдис обращался к ним в контексте повседневной жизни, но не рассматривал правовые аспекты [4]. А. Рахуба в работах о шляхетстве ВКЛ также не анализировал мемуары в интересующем нас ключе [14]. Таким образом, потенциал источника для изучения вывода шляхетства остался нераскрытым, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Методология исследования основана на комплексном подходе. Мемуары рассматриваются в историческом и социальном контексте, что позволяет раскрыть ментальность и ценности шляхты. Интердисциплинарный подход, включающий историю, психологию, право, культурологию и социологию, позволяет раскрыть их как исторический и культурный текст, следовательно, реконструировать процедуру вывода шляхетства и её роль в жизни ВКЛ.

Процедура оспаривания шляхетского статуса Мартина Матушевича (1750-е гг.) отразила противоречия социально-политической системы ВКЛ. Переход Матушевича от Чарторыйских к Радзивиллам [10, s. XI], вызванный их оппозицией королевской власти, активизировал использование института «вывода шляхетства» как инструмента внутрисословной борьбы. Это соответствовало общей практике, когда смена патронов провоцировала юридические атаки на статус оппонента, как отмечал Ф.И. Леонтович [2].

Инициированный Чарторыйскими процесс опирался на формальные основания: заявление Анны Гинчуковой о родстве с Матушевичами (1755 г.) потребовало расследования в Телятичах. Однако процедура, регламентированная Статутом 1588 г. (разд. 3, арт. 27), была нарушена уже на этапе сбора свидетельств. Привлечение подляшского чашника Веже, получившего от Матушевича «турецкий пояс» [11, s. 124–127], выявило коррупционную составляющую. Опрос 14 крестьян, не подтвердивший кровных связей, но выявивший Петра Матушевича как слугу [11, s. 127], показал зависимость доказательной базы от лояльности зависимых лиц, мнение которых можно было приобрести.

Реакция М. Матушевича раскрывает различные методы защиты шляхетства:

1. Архивный поиск: экспедиции на Подляшье для изучения магдебургских книг и метрик, поездки в Вильно и Менск [11, s. 130] отражают типичную для шляхты практику легитимации через документы, критически изученную А. Рахубой [14].

2. Использование завещания деда (Ян Казимир Матушевич), обнаруженного в Менске [11, s. 137], стало ключевым правовым аргументом, однако его позднее предъявление патронам (Радзивиллам) указывает на приоритет политической поддержки над формальной юстицией.

3. Политический лоббизм: попытка Матушевича стать депутатом Трибунала ВКЛ от Менского воеводства [11, s. 145] и давление Радзивиллов на судей (угроза отстранения вице-маршалка Абрамовича [11, s. 148]) раскрывают механизмы клиентелизма, описанные А. Мацуком [5].

Дело в Главном трибунале ВКЛ (1755 г.) трансформировалось в публичное противостояние кланов. Речь М. Матушевича перед Сапегой [11, s. 132–137], акцентировавшая политические мотивы обвинений («инсинуации Чарторыйских»), и его тактика подкупа депутатов (200 червонцев Пшецкому [11, s. 151]) доказывают, что юридическая процедура стала инструментом демонстрации силы. Приговор 29 декабря 1755 г., подтвердивший шляхетство Матушевичей [11, s. 165–166], де-факто отразил не доказанность родословной, а влияние Радзивиллов: угроза «оппозиции» их авторитету склонила 10 из 19 депутатов к «нужному» решению [11, s. 173].

Анализ кейса М. Матушевича позволил выявить три уровня конфликта: 1) правовой – формальное применение Статута 1588 г. маскировало субъективность процедуры; 2) социальный – зависимость статуса от архивирования документов создавала поле для манипуляций; 3) политический – институт патроната превращал суд в арену клановой борьбы, где юридические нормы подчинялись интересам магнатов.

Как отмечал Н.Н. Улащик, мемуары фиксируют «теневые» аспекты таких процессов [7], что делает их ценными для реконструкции реальных механизмов взаимодействия внутри шляхетского сословия.

Судебное заседание 29 ноября 1755 г. в Менске [11, s. 151] показало, как правовые процедуры подменялись перформативными практиками. Речь Матушевича, противопоставлявшая «честное шляхетское рождение» (*uczciwego szlacheckiego urodzenia*) и «продажность земных богов» (*bogowie ziemscy*) [11, s. 154], использовала библейские и античные аллюзии, что характерно для риторики барокко (анализ А.И. Мальдиса [4]). Ссылка оршанского наместника на ст. 27 разд. 3 Статута 1588 г. [6, с. 576–577] обнажила декларативность закона: просьба не фиксировать её в декрете [11, s. 159] подтверждает тезис Ф.И. Леонтовича о пренебрежении нормами [2].

Вечернее совещание с маршалком Радзивиллом [11, s. 165] дает основания полагать об имевшем место механизме принятия решений: подкуп депутата Пшецкого (200 червонцев, карета, вино) и конкурирующая взятка от Чарторыйских (300 червонцев + мытня) [11, s. 166] показывают, что исход дела определялся балансом влияния кланов. Голосование (10:9 в пользу Матушевича [11, s. 173]) стало формальной ратификацией закулисного соглашения, что соответствует выводам А. Рахубы о клиентельных сетях [14].

Решение суда от 29 декабря 1755 г. [11, s. 165–166] подтвердило шляхетство Матушевичей, но содержало противоречия: селективное применение закона (освобождение Витановских от ответственности) и отсрочка расследования против А. Гинчуковой создавали правовую «петлю» для будущих атак. Равнодушие Радзивилла к ущербу в 100 тыс. сукон [11, s. 171] показывает приоритет политического капитала над экономическим. Следовательно, мемуары Матушевича, фиксируя двойственность судебных процессов (официальный протокол vs закулисные сделки), раскрывают механизмы социальной мобильности в ВКЛ.

Соглашение от 3 января 1757 г. [11, s. 275–276] легализовало статус Матушевича, но выявило асимметричность компромисса: символическое признание документов маскировало отсутствие санкций против Чарторыйского, а передача дела Гинчуковой посредникам переносила решение в неопределённое будущее. Акт присяги 20 марта 1757 г., отрицающий родство Гинчуковой с Матушевичами [11, s. 287–288], имел

символическую функцию, но его юридическая сила была подорвана ошибками в декрете (искажение имён, дат [11, s. 288]), что отражает проблемы документооборота в ВКЛ, отмеченные Н.Н. Улащиком [7].

К 1758 г. обвинения в нешляхетстве утратили актуальность на фоне карьерного роста Матушевича и его интеграции в прорадзивилловскую партию [10, s. XIV–XV]. Последний эпизод с Гедройцем [12, s. 11–12] символизирует маргинализацию конфликта. Переход Матушевича на сторону Чарторыйских в период бескоролья (1763–1764 гг.) [10, s. XV] демонстрирует прагматизм шляхетской элиты: ранее оспариваемое шляхетство стало нерелевантным.

Процедура вывода шляхетства использовалась как инструмент клановой борьбы, где юридические нормы подчинялись политической целесообразности. Усиление России и поиск внешних союзников (Франция) повлияли на стратегию М. Матушевича, но не изменили системные дисбалансы. Присяги и декреты выполняли символическую функцию. Доказательство шляхетства было тесно связано с вопросами власти, престижа и экономических интересов.

Таким образом, мемуары М. Матушевича представляют собой ценный источник для изучения социальной мобильности и правовой культуры шляхетского сословия в ВКЛ. В силу специфики этого источника можно более детально изучить процедуру доказательства шляхетства, раскрыть факторы, влиявшие на ход судебных дел непосредственно с позиций участника событий, чего не предоставляют акты магдебургских книг, официальные документы о судебных процессах.

Анализ показал, что вывод шляхетства применялся как инструмент политической борьбы, реализуемой через клиентельные связи, символические ритуалы и закулисные договорённости. Судебные процессы по делам о шляхетстве часто носили перформативный характер. Формальные решения суда, даже закреплённые в декретах, не всегда отражали реальное положение дел, а скорее фиксировали компромисс между противоборствующими сторонами.

1. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 8, ч. 1. К (Каборды – Карэцкія) / Я. С. Глінскі [і інш.] ; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск : Беларусь, 2022. – 927 с.
2. Леонтович, Ф. И. Правоспособность литовско-русской шляхты / Ф. И. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1908. – № 7. – С. 1–56.
3. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно : с приложением текста хартий, выданных Великому князеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. – М. : Московская художественная печатня, 1915. – 401 с.
4. Мальдзіс, А. І. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі : эсэ ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў : [для сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту] / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. – 477 с.
5. Мацук, А. Матушэвіч Марцін / А. Мацук // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 280–281.
6. Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. / Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А – Я. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2010. – С. 436–689.
7. Улашчык, М. М. Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі : з рукапіснай спадчыны / М. М. Улашчык. – Мінск : Пейто, 2000. – 86 с.
8. Danilowicz, I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. Tom II / I. Danilowicz. – Wilno : W drukarni A. H. Kirkora, 1862. – 370 s.
9. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 6 : (1494–1506) : Užrašymų knyga 6 / parengė: Algirdas Baliulis. – 2007. – 515 p.
10. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 1. – 267 s.
11. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 2. – 317 s.
12. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 3. – 220 s.
13. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 4. – 318 s.
14. Rachuba, A. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek / A. Rachuba. – Warszawa : Instytut Historii PAN, 2020. – 405 s.